Последние несколько дней Цзин Ичэн не ходил на работу, а оставался дома с Шангуань Нин, беспокоясь о ее выздоровлении. Все оставшееся время он учил Цзин Жуй разговаривать. Он был терпелив и внимателен, и Шангуань Нин почувствовала, что уже не так способна.

Он кормил Цзин Жуя, менял ему подгузники, помогал принимать душ, причем так умело, что няне оставалось совсем немного.

Шангуань Нин поддразнила его. "Ты можешь стать очень искусной няней!"

Цзин Ичэн очень гордилась этим. "Я не должна сожалеть о том, что не заботилась о своем ребенке. Я должна сделать все возможное для его развития".

По ночам Цзин Ичэн читала Цзин Руи сказки и убаюкивала его. Цзин Руи мог ничего не понимать, но его отец с большим интересом рассказывал сказки на ночь. Он даже держал сына за руки, обучая его письму.

Когда Цзин Руи уснул, Цзин Ичэн приняла душ и легла в постель.

"О, теперь ты наконец уложил своего сына? Я думала, что ты проведешь с ним ночь!"

Шангуань Нин звучала кисло, отчего Цзин Ичэн рассмеялась.

"Малыш, ты же не ревнуешь нас к сыну? Если я тебе так нравлюсь, почему бы не показать это мне? Иди прими душ, и давай встретимся в постели!"

Но прежде чем она добралась до кровати, они встретились в ванной.

На Шангуань Нин остались одни трусики, и она раздраженно и смущенно сказала. "Разве ты не сказал, что мы должны встретиться в постели? Ты уже приняла душ, выходи сейчас же!"

"Но я здесь! Моя одежда вся мокрая. Неужели ты думаешь, что я могу сдаться на полпути?"

Цзин Ичэну было все равно, где они занимаются этим - в постели или в ванной. Она была его женщиной, и он мог делать с ней все, что захочет. Кроме того, если они делали это в ванной, удовольствие усиливалось, и Шангуань Нин могла достичь кульминации гораздо быстрее.

Ванная комната была наполнена туманом, и их окружал пьянящий аромат. Температура воды была умеренной, но сегодня Шангуань Нин показалась слишком горячей, и ее тело стало розовым.

Шангуань Нин опиралась на Цзин Ичэна так, словно у нее не было сил. Если бы он не обхватил ее за талию, она бы потеряла равновесие. Она дрожала в руках Цзин Ичена.

После того, как они закончили, Цзин Ичен больше не приставал к своей женщине. Она только что выздоровела, и ей нельзя делать слишком много упражнений, иначе ей будет трудно встать с кровати.

Он чувствовал удовлетворение, особенно когда увидел белую кожу Шангуань Нин, покрытую маленькой клубникой, которую он посадил. Он ярко улыбнулся.

Цзин Ичэн прошептал на ухо Шангуань Нин своим низким и сексуальным голосом. "Опухла?"

Он подул теплым воздухом в ухо Шангуань Нин, отчего оба ее уха мгновенно покраснели.

Он был таким кокетливым, что заставил Шангуань Нин покраснеть.

Ее грудь набухла, потому что Цзин Ичэн не сцеживала молоко для нее сегодня после того, как потратила столько времени на уход за Цзин Жуй.

Но Шангуань Нин не осмелилась сказать об этом вслух!

Она покачала головой с красным лицом и сказала: "Нет, нет, давайте просто уйдем отсюда!".

Цзин Ичэн в наказание ущипнула ее за лицо и сказала низким голосом: "Нехорошо лгать. Как насчет того, чтобы дать мне сделать глоток?".

Шангуань Нин ущипнула его за талию. Этот мужчина был таким кокетливым в эти дни!

"Заткнись и больше не разговаривай. Ты ведешь себя так непристойно!"

"Я решил, что должен выпить все, что наш сын не сможет допить, звучит нормально?"

Цзин Ичэн толкнул Шангуань Нин к мраморной стене, которая была скользкой, и их тела спутались друг с другом.

Шангуань Нин не смела пошевелиться, вдруг еще что-нибудь случится. У нее не осталось сил.

Она закусила губу. "Нет, Руйруй доест всю еду, тебе ничего не останется!"

"Я так добра к нашему сыну. Он обязательно поделится со мной частью еды. У тебя нет права голоса".

Руки Цзин Ичена ощупывали все ее прекрасные изгибы, заставляя Шангуань Нин дать ему то, что он хотел.

Шангуань Нин так застеснялась, что ее лицо покраснело.

"Честно говоря, ты такая бесстыжая!"

Как получилось, что этот мужчина стал таким непристойным после того, как они поженились?

Теперь он просил у нее молока! Шангуань Нин почувствовала острую неловкость.

Но она недооценила, насколько наглым может быть Цзин Ичэн. Он никогда не отпускал ее, когда мог получить от нее что-то хорошее. Он был очень искусным переговорщиком.

"Как насчет того, чтобы наш сын получал сухое молоко, а я - молоко. Я думаю, он предпочитает сухое молоко с разными вкусами. Ему надоело ваше молоко, которое имеет только один вкус".

Шангуань Нин почувствовала себя беспомощной. Она закусила губу, посмотрела на него и сказала угрожающим тоном: "Хватит этих глупостей! Мне нужно поспать!"

Но она не понимала, что ее взгляд был не угрожающим, а полным вожделения. Ее глаза смотрели так заманчиво, что его сердце заколотилось.

Цзин Ичэн просто не мог удержаться и долго целовал ее, а затем отпустил и сказал низким

голосом. "Нет, до завершения сделки тебе нельзя спать. Я составлю тебе компанию, пока ты не одобришь сделку".

На его красивом лице заиграла уверенная улыбка, а затем он взял Шангуань Нин на руки и принял душ, несмотря на ее несогласие.

Шангуань Нин просто не могла терпеть, когда с ней так заигрывали. Через некоторое время ей снова стало жарко.

Она беспомощно укусила Цзин Ичэна за плечи и сказала низким голосом: "Хорошо, я одобряю сделку".

Цзин Ичэн гордо улыбнулась, взяла полотенце, высушила ее, обернула другим чистым полотенцем и вынесла из ванной в спальню.

Шангуань Нин обняла его за шею и сказала низким голосом: "Моя грудь набухла, помоги мне".

Глубокие глаза Цзин Ичэна вдруг загорелись огнем, и он негромко сказал: "Да, госпожа!".

Он почувствовал, что не стал покупать Шангуань Нин молокоотсос, и это было мудрое решение.

Иначе она бы точно воспользовалась насосом, а не им, когда бы почувствовала, что ее грудь набухает.

http://tl.rulate.ru/book/35409/2087612